

Новые известия. — 2001. — 27 окт. — с. 6

Молодо-зелено? ..

Две первые оперные труппы Москвы устроили заочный турнир по антиискусству:

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

Намечены оперные труппы двух столичных театров, что находятся по соседству, — Музыкального имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко и Большого представили свое пополнение нынешнего сезона в виде стажеров и молодых солистов. Театр на Большой Дмитровке показал шесть человек, а громада на Театральной площади — одиннадцать. В результате получился яркий коллективный портрет певца, отвечающий интересам и вкусам администрации московских театров.

В фойе театра на Большой Дмитровке под пристальным присмотром всего начальства половина выступающих (сопрано Марина Поплавская и Елена Гоголева и меццо Елена Максимова) с испуганными лицами пели уйму номеров каждая (том числе такие редкости, как ария Клеопатры из оперы Генделя «Юлий Цезарь» или романс Листа «Лорелая»), то ли банально «обкатывая» программу очередного конкурса, вершины которого они собираются штурмовать, то ли втайне надеясь, что количество перейдет в качество. Но тщетно. Они фальшивили, запинались, и лица их выражали такую муку, что, кроме чувства жалости, они ничего не вызывали.

Вторая часть певцов была явно более компетентна и демонстрировала наличие приятных голосов. Правда, художественный результат получался с массой огорохов. Баритон Илья Павлов, исполняя арию Елешко из «Пиковой дамы», почему-то так кричал на Лизу, убеждая ее в том, что он ей друг и утешитель, что безная девушка могла бы стать женой. А Родриго из вердизского «Дон Карлоса» ему еще совсем не по голосу. Обладатель красивого баса Вадим Линковский, к сожалению, взял однотипный репертуар — Серенаду Мефистофеля из «Фауста» Гуно и «Песню о блохе» Мусоргского, а потому однообразно, но много «хлопотал» лицом и очень бурно жестикулировал. Выпирывшие все в этой компании выглядела Анна Самула. Ее мягкое легкое сопрано лилось неприну-

Вадим Линковский — слуга двух господ.

жденно, а само пение было очень музыкальным. Хотя почему-то юная певица трактовала Семуримду из одноименной оперы Россини, как другую россиниевскую героиню — Розину. Зато в труднейшей арии Кунигунды из оперы Бернштайна «Каццл» она была удачлива и очень обаятельна.

Но все эти впечатления померкли, когда пару дней спустя свое молодое пополнение продемонстрировал Большой театр. В переполненном Бетховенском зале на триста мест, в присутствии руководства все они дисциплинированно «докладывали» по два произведения из шлягерного набора.

Первое, что бросилось в глаза: понятие молодости в первом театре страны сильно растяжимо. Под грифом «молоды» выступали такой опытный певец, как экссолоист «Новой оперы» баритон Михаил Дьяков и некоторые дамы, чей возраст оставим за скобками только по соображениям этикета.

Вообще шесть певцов (все сопрано), попавших под покровительство Большого театра, — особый разговор. Единственный их аргумент при полном отсутствии профессионализма — это боевой

раскрас вместо макияжа и максимально декольгированные и блестящие платья (единственным исключением в этом параде женской безвкусицы была Ирина Самойлова). Такое ощущение, что их отбирали не в музыкальные вузы, а просто позвали в Тверской погреться в театре годок-другой. Пение таких «бриллиантов» в короне Большого, как Галина Давыдова или японка Хитоми Сомата (должно быть, пример ловкой работы коммерческой службы театра), ничего, кроме приступов гомерического хохота, вызвать не способно. Зато обидно за явно не бездарную Екатерину Василенко, которой, очевидно, на профессиональную помощь, как, впрочем, и всем другим певцам, рассчитывать не приходится. Концертмейстеры (и стар, и млад,) играли ничем не лучше фальшививших солистов.

Мужчины в отличие от женщин выглядели не столь вызывающе и демонстрировали минимальное умение петь. Но делали это совсем не блестяще, с обремененной усталостью на лице. Лучшим здесь оказался выпускник Московской консерватории, выступавший в подобном концерте

и в театре на Дмитровке с той же программой, Вадим Линковский. Он, видно, решил в нынешнем сезоне попробовать себя в роли слуги двух господ. И, надо думать, это у него может получиться вполне удачно.

Конечно, нет вины театров, что сегодня у нас в стране катастрофические проблемы с вокальным образованием. В основном наши вокально-педагогические кадры — это люди глубоко пенсионного возраста, но так за всю свою жизнь не воспитавшие и пары прекрасных оперных имен, чаще всего лихо портящие голоса у талантов. Что, впрочем, не мешает им активно работать в разномастных коммерческих вузах и за неплохие деньги убеждать бездарей в том, что они талантливы. Вообще наши музыкальные вузы уже давно ведут себя, как богадельни, и даже вполне полным бездарностям на выпускных экзаменах не ставят ниже «четверки» по специальности, а уж об отчислении в процессе учебы по причине профнепригодности и говорить не приходится. В итоге больше сотни людей только в одной Москве каждый год покидают стены своих альма-матер с самоощущением оперного певца, но, правда, кроме них самих, никто так не думает, из-за чего они десятилетиями ищут работу. Так десятки людей оказываются с изуродованными судьбами, а наперекор могли бы найти свое счастье в других профессиях, не будь так трусливы и малодушны их музыкальные педагоги. Единички добиваются на вокальном поприще заметных успехов — их хочет слушать и видеть публика, и они делают удачные карьеры. И такая печальная пропорция повторяется из года в год.

Но это все не снимает вопроса, по какому праву государственные, а не частные театры, то есть живущие на деньги налогоплательщиков, позволяют себе в результате келейных прослушиваний и прочих закулисных игр даровать столь солидный статус, как солист театра, и нагло устраивать смотрины людям, которых нельзя представить на легендарных сценах даже в самом кошмарном сне. При том, что таланты в России еще не перевелись.